

Александр Боровский: люблю разгильдяев

Мария Колдобская

— Вы честолюбивы?

— В силу обстоятельств — нет. Мне нет нужды заявлять о своем авторстве во всех выставках, где я принимал участие. Любому вольно куратору приходится все время доказывать, что он самый умный, самый главный, самый хороший. А в спину уже дышит следующий выпуск университета, и там тоже есть самый умный.

— Работа в музее имеет какие-нибудь преимущества?

— Я имею дело с искусством, которое уже обрело статус, доказало свою состоятельность. Музей — консервативное учреждение.

— А как художнику доказать свою состоятельность в Петербурге? Без серьезных галерей, без арт-рынка?

— На Западе есть цепочка: художник — дилер — галерист. Есть система: от коммерческих галерей до суперэлитарных. И только потом — музей. Есть музеи новых направлений, где занимаются экстравагантными вещами, молодым искусством, где можно выпендриваться. У нас всего этого нет, поэтому Русскому музею приходится поддерживать и новейшие течения. Московские музеи этим не занимаются. Окинув взглядом то, что сделано за год на наших экспериментальных площадках — в Мраморном дворце и в корпусе Бенуа, — я вижу: есть чем гордиться. Рапортовать партии и правительству.

— У нас долгое время современным искусством считался андерграунд. Вы занимались им до перестройки?

— В силу происхождения и образования я занимался искусством официальным. Я из семьи художника, потом закончил Академию художеств. Дураком-то никогда не был, и современное западное искусство более или менее знал, поэтому старался помогать чему-то прогрессивному в официальном искусстве... ну, по сравнению с откровенными держимордами. Сейчас, конечно, я вижу провинциальность тех явлений, которые поддерживал. Но вижу и провинциальность того, что называется андерграундом. В андерграунде были свои вос-

Александр Боровский — один из ключевых фигур в современном питерском искусстве. Он — начальник отдела новейших течений Русского музея и в качестве такового — организатор и куратор многих важных выставок. Петербуржцы наверняка заметили, например, мраморный «Форд» художника Х. А. Шульца, украсивший на время двор Мраморного дворца, или гигантский огненно-красный квадрат, вывешенный на корпусе Бенуа, который сигнализировал о выставке немецкого художника Р. Гайгера. Добавим проект «Моя Монголия» культового героя европейского концептуализма Йозефа Бойса.

движение искусства, увидеть новое... В Академии художеств этому не учат.

— Кстати, никто из наших ведущих художников не учился в академии.

— Система подготовки художников в наших учебных заведениях порочна. Кого там готовят? Людей, способных мазать большие тематические картинки? Они умеют отлично рисовать ножку, попку, Ленина в Смольном... Так ведь подобное уже никто не покупает. А вот знают ли студенты, кончая академию, что такое инсталляция? объект? видео-арт? Куда они с таким багажом? В дешевые лавочки? Людей просто бросают за борт. В современном искусстве главным критерием является ум. Нужны художники, способные мыслить.

— Современное искусство — штука действительно очень умственная и требует специальной подготовки. Есть такая народная претензия к нему, что оно...

— Скучное. Согласен. Концептуализм можно уважать, продвигать, но сексуального трепета он не вызывает. Жить с этим нельзя.

— Значит, надо менять парадигму.

— Мать-перемать! Парадигму менять надумала! Парадигма, милая, не лампочка, чтобы вкручивать-выкручивать. Если каждый будет парадигму менять... На всех парадигм-то не на-

АНДРЕЙ БРЕСОНОВ

торженные критики, свои истеблишмент, генералы и лейтенанты, своя оппозиция, свои секретные службы... И там, и там были хорошие художники и плохие. Репутация тех немногих московских художников, которые реально весомы в мировой иерархии, — Ильи Кабакова, Эрика Булатова, Владимира Янкилевского, Виталия Комара и Александра Меламида — не зависит от того, относились они к андерграунду или нет. Кстати, многие из них были членами Союза художников, а также разных профсоюзов, фондов, распределяли материальную помощь... Я знаю тех и других. И не питаю иллюзий. Поэтому мне сейчас очень трудно найти общий язык с функционерами андерграунда. Почти так же, как с функционерами официальных структур.

Сейчас, когда отгремели бои, стало очевидно, что оба эти лагеря — «официальный» и «подпольный» — не могли существовать друг без друга. А ведь когда начинались все эти перестроечные дела, в андерграунде была идея: сменить всех «официальных» музейщиков, критиков и назначить на их место людей «подполья».

— Проектов нового музея современного искусства много. Вот самого музея пока нет. Почему?

— Нет и не будет. Кто станет его формировать? Для одних современное искусство — левое крыло Союза художников, для других — герои подполья. Музей требует определенной культуры и объективности. Я лично знаю всего двух-трех человек, способных сделать музей современного искусства.

— Есть такое мнение, что в современном искусстве репутация художника зависит от того, как договорятся между собой критики. И если художник — человек светский, политичный, умеет со всеми поладить, достать денег на свой проект, его и «назначат» знаменитостью.

— Таковы правила игры для художника мейнстрима. Гибкость. Умение заводить нужные связи. Способность к саморекламе, к знанию языков, художественной сцены — без этого я не вижу известного современного художника. Известно может позволить себе уединиться, но до этого он тридцать лет зарабатывает себе имя. Раньше был миф художника-одиночки, потом возник миф художника-творца, создающего свой мир. Современный художник тоже миф. Но за каждым мифом стоит очень большая реальность. Репутация сегодня — на четверть божий дар, а на три четверти — умение держать нос по ветру. Но и это тоже дар — почувствовать этот воздух, понять

пасеешь! Впрочем, парадигма уже действительно меняется.

— Надоело скучать?

— Вопрос о фанатично серьезном отношении к искусству сегодня не стоит. Поэтому я люблю художников, в которых есть черта такого... разгильдяйства.

— Поэтому вы решили освоить профессию шоумена и участвуете в телепередаче Анатолия Белкина «Крыша поехала»?

— Среди питерских художников Толя Белкин — один из действительно светских людей. Меня его передача искренне развлекает. И потом, это единственный способ выйти за круг тех двух с половиной человек, которые реально интересуются современным искусством. А «Крышу» смотрят. Может, не понимают, но смотрят. Согласитесь, в комиссарских галифе под портретом Дзержинского рассуждать об Энди Уорхоле — это забавно. Мне приятели потом говорят: «А из музея тебя не выгонят?»

— А не выгонят?

— Вряд ли: музейщики телевизор не смотрят. Видите — в галифе про искусство нельзя... А в другой передаче я в ресторане, изображаю бонтона, при бабочке, пью виски — так тоже не понимают, как это можно.

— Мне кажется, вы очень светский человек. «Светскость» для вас много значит?

— Безусловно. Только это не то, что называется «светской хроникой» в газетах. Пишут про художников Гаврику, Маврику и Шмаврику, которых знают три их девочки, обычная кухонная компания. Для меня светскость — это контактность, преодоление групповых и тусовочных интересов, это вхожест в разные структуры мира, а не жизнь в своем маленьком мирке. Вообще, светский человек не тот, кого видят на всех тусовках, а тот, про которого замечают: вот на этой он не был.

— Все это очень трудно — ведь света как такового в Петербурге нет.

— Какой-то круг все-таки уже формируется. Крупные чиновники, банкиры, дипломаты...

— Это и есть те люди, с которыми должен подружиться художник?

— Во всяком случае, музейщиков, кураторов художники не должны любить. И наоборот. Не надо слишком близких отношений. Потому что друзьям многое прощаешь. Дистанция должна быть. Строгость. Секретарь, запись на прием...

— Утренняя переключка, поверка...

— Так, может, что путное и выйдет.